

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава II

Город Авиньон, Франция ~ 1342 год

Наступила четырнадцатая эпоха в Европе, и Авиньон был самым сердцем этого города. Христианская империя. Расположенный на берегах Роны, Авиньон был Вавилоном Запада — городом, кишавшим торговцами и прорицателями, пьяницами и ремесленниками, солдатами и послами, Иезавель и ворами. Высокие крепостные стены окружали город, призванные защитить его от внешнего вторжения. Из-за большого скопления людей в его стенах адекватная канализация представляла собой сложную задачу, и над замкнутым городом витал неприятный запах, словно невидимый, но вполне ощутимый покров.

Из этого моря зловония возвышался Папский дворец (Пале -де-Папе) . Построенный на скале, отброшенной Римской империей, этот величественный комплекс служил краеугольным камнем и папским престолом Святого Престола. Огромный готический замок был самым большим из существующих. Это была массивная, похожая на дракона крепость: укрепленные стены толщиной двенадцать футов — с зубцами, башнями и бойницами. Здание представляло собой двойной дворец с двумя внутренними дворами. В его крыльях располагались массивные залы, самым большим и значительным из которых был консисторий, конклав и другие.

Банкетные залы и сокровищницы. В его недрах: огромный погреб, в котором, казалось бы, хранятся бесчисленные галлоны вина, добытого из обширных папских виноградников и выдержанного в рядах огромных деревянных бочек. В его сердце: адские очаги, через которые ежедневно циркулируют десятки тысяч буханок хлеба и питаются вавилонские сокровища Авиньона. Папский дворец был не чем иным, как средневековым чудовищем, возведенным до великолепных размеров — это чудовище было колоссальным.

Внутри дворца извивались и неустанно переплетались и сжимались внутренности коррупции, богатства, погрязшего в беззаконии, власти и огромного авторитета. Коридоры замка неизменно кишели кардиналами и чиновниками курии, папской гвардией и оруженосцами, членами совета и представителями закона, налоговыми с презрительными взглядами, рыцарями и их сеньорами, высокопоставленными гостями и их свитой, включая видных родственников и частных артистов Папы Римского.

Во времена правления Папы Бенедикта XII в Коллегии кардиналов служили двадцать четыре кардинала. Кардинал Блази был её вспыльчивым волком, которого недолюбливало большинство членов Коллегии. Один из самых молодых кардиналов, Жан-Франсуа Блази, был человеком крепкого здоровья, высоким и с копной светлых волос. Его самая примечательная, но достаточно тревожная черта заключалась в глазах — чистый карий глаз и слепой молочный глаз, достойный взгляда дьявола. Лишь немногие из кардиналов терпели его общество вне официальных мероприятий. Однако Блази было достаточно лишь нескольких — тех кардиналов, которые обладали достаточным влиянием в его ближайшем окружении, чтобы удовлетворять его потребности. В основном это были старшие кардиналы, также служившие в Папском дворце в качестве надзирателей.

В Авиньоне было обычной практикой назначать кардиналов более высокого ранга надзирать за различными крыльями, залами, часовнями и территорией дворца. В течение многих лет Блази был надзирателем Большого подвала. Этот обширный подвал представлял собой подземный коридор, вырытый в 1337 году и простиравшийся на всю длину крыла, в котором наверху располагался зал для конклавов. В этом огромном подземном хранилище хранились сотни и сотни бочек, в которых выдерживались одни из лучших вин Европы. Блази отвечал практически за все аспекты их производства, от винограда до бочки, включая последующее хранение и обеспечение сохранности вин. Как правило, это считалось должностью огромной важности; винодельня обеспечивала значительную часть годового дохода папства.

Таким образом, что касается дворца, большинство считало Блази «кардиналом вин». Более того, каждый знаток знал, что подружиться с Блази — значит подружиться с Большим Подвалом. Крепкий и жилистый кардинал Раулин Туссен, надзиратель Дворцовой кладовой и *Boteillerie* (склад бутылок) и очень тучная, но при этом хрупкая кардинал Лило Джулин.

Владельцы кухни и банкетного зала, двое, считавшие себя гурманами, всячески поддерживали дружеские отношения с Кардиналом Виноделов. Блази прекрасно понимал, почему эти двое ухаживали за ним, и всё же среди них был... По меньшей мере, очевидное проявление товарищества.

В отличие от гораздо более многочисленной Коллегии кардиналов, Совет апокрифов состоял всего из трех кардиналов — Хадур Ксавьера, старшего члена совета; Авита Базилиста, самого старшего и самого слабого, и Эдмарда Лина, самого молодого и недавно назначенного Тело. Служба кардинала Ксавьера закончилась обнаружением его обнаженного и обезглавленного трупа. Крестьянский мальчик обнаружил его останки в зарослях вдоль дороги к западу от Авиньона. В кустах вокруг него лежали останки его охранников, их тела были столь же осквернены. Его убийство оставалось загадкой. Прежде чем слухи об убийствах утихли, умер и папа Бенедикт. Хотя несколько кардиналов настаивали на том, что Бенедикт был отравлен, и что серия убийств каким-то образом являлась частью более крупного политического заговора, такие предположения так и не были подтверждены. Блази был ближе всех к папским виноделам — и к тому же тираном — многие подозревали его в отравлении, но никто не осмелился противостоять ему из-за его вспыльчивого характера.

Менее чем через две недели после государственных похорон Бенедикта, на конклаве, где доминировали французы, был поспешно избран другой француз, Пьер Роже де Бофор, пятый в очереди на Авиньонский папский престол. Де Бофор был крещен Климентом VI. На выборах присутствовало большинство обычных высокопоставленных лиц: коллегии и кардиналы Совета, генеральный секретарь, генеральный викарий и вице-регент, главные папские должностные лица Неаполитанского королевства, наиболее видные епископы и вся толпа прихлебателей. Для проведения церемонии требовалось присутствие большого количества людей. Примечательно, что посланник Филиппа VI де Валуа, короля Франции, отсутствовал, поскольку прибыл слишком поздно, чтобы присутствовать на церемонии.

Власть на этих выборах явно принадлежала Коллегии кардиналов. Однако лишь немногие из ныне живущих знали, что истинная власть папского убеждения находилась в руках лишь немногих — а именно, Апокрифического собора. На протяжении веков Коллегия кардиналов эволюционировала в избирательный орган Церкви, теперь служащий Святому Духу. В этом отношении следует рассматривать его примерно так же, как любой парламентский орган служит своей общей организации. В отличие от него, Апокрифический собор был небольшим, завуалированным и намеренно не задокументированным папским органом, обладавшим властью, которая легко могла соперничать с властью Коллегии, кардиналов. Апокрифы не подчинились никому, кроме Бога, и были подотчетны только Его избранному представителю на земле — Святому Отцу и Папе.

Апокрифы состояли из двух отдельных уровней — Верхнего и Нижнего соборов.

Верхний Совет состоял из Папы Римского и назначенных им кардиналов, которые, в свою очередь, руководили аббатами и монахами Нижнего Совета. С момента своего создания состав этого Совета варьировался от шестидесяти до шестидесяти шести членов, каждый из которых назначался Верхним Советом. Назначения в Совет были пожизненными; новые члены принимались на службу только после смерти одного из назначенных. Двое из трех первоначальных кардиналов Верхнего Совета — Базилист и Леан — проживали в Авиньоне, в вилле под названием Шато Руж. Однако члены Нижнего Совета были поровну разделены между двумя равными и отдаленными монастырями во внутренних районах Франции и Италии. Это были Аббатство Гвардейцев (Abbaye des Gardiens), расположенное в холмах французской провинции Овернь, и Монастырь Канчелло (Monastero del Cannello), расположенный в отдаленных горах итальянской провинции Умбрия.

Аббатство Гардиенс при Нижнем соборе находилось под управлением своего постоянного аббата Вонига, а монастырь Канчелло в Италии — под управлением своего постоянного аббата Домингуса. Оба аббата Нижнего собора отчитывались только перед кардиналами Верхнего собора, которые, в свою очередь, тайно отчитывались исключительно перед Папой Римским. Эти изолированные монастыри считали себя бенедиктинскими, но не управлялись в соответствии с бенедиктинским монашеским уставом. Они выделили собственный орден, который не был ни бенедиктинским, ни францисканским, ни цистерцианским. На протяжении веков эти монастыри... Оставаясь оторванными от монашеского устава, они попали под исключительный контроль Апокрифического собора. Собор и два его монастыря, вместе со своим уважаемым окружением, Слуги внешне напоминали некий «святой дух», охраняющий самые ужасные тайны папского зала. Однако Люцифаилу удавалось разгадать лишь несколько секретов — особенно секреты Собора .

Таким образом, пока Люцифаэль опустошала Азию своим смертоносным дыханием, она была в равной степени занята Европой, обманывая две её нации. Благодаря браку Франция и Англия перешли из одной королевской династии в другую. Короче говоря, король умер, и Англия получила законные права на Францию — дьявол кроется в деталях. Тем не менее, враждующие королевства оказались в тупике, и прозвучал колокол. Так началась Столетняя война. Первая из этих битв, которая окажется самой ужасной в истории, произошла на французской земле и навсегда вошла в историю как кровавая битва при Креси. Многие стали свидетелями ужасов, произошедших в душный августовский полдень той битвы.

Креси-ан-Понтье ~ Северная Франция ~ август 1346 г.

Остались лишь остатки бури. Гром гремел на западе, и сверкали молнии.

Грозовой ветер пронзил далекие холмы. Светящийся черный ворон присел среди искривленных ветром ветвей раскидистого дуба, потревожив несколько потрепанных листьев. Его черные зрачки то расширялись, то сужались, холодные и механические, словно какой-то механизм управлял этим мрачным глазом. Ворон покачал головой и дважды, а затем еще раз, каркнул на удаляющуюся грозовую тучу. Под дубом, на возвышении, колонна французских солдат плелась по грязной, изрытой колеями дороге.

Французы — большинство из них крестьяне, привыкшие к топорам и вилам больше, чем к мечам, — шли на войну по размокшим холмам северной Франции. Их новоиспеченный король Филипп VI заявил этому английскому «псу», Эдуарду III, что Франция никогда не разделит трон с Англией или с кем-либо еще. Франция, провозгласил Филипп, была суверенной, и ее трон принадлежал только ему. Ответив на дерзкое заявление Филиппа вспышкой ярости и решив с тех пор свергнуть его, Эдуард проложил путь через Францию, сжигая целые деревни на своем пути. Он намеревался нанести достаточно ущерба, чтобы заставить Филиппа пасть — в течение в собственных рядах. Когда до Филиппа дошли известия о дерзком нападении Эдуарда, он собрал многих французских лордов, чтобы выступить против вторгшегося захватчика.

Призыв Филиппа к оружию был настолько сильным, что Эдуард, столкнувшись теперь с огромными французскими войсками на равнинах над Креси-ан-Понтье, отказался вступать с ним в бой и бежал на север, в сторону Кале. Французы были уверены в своих силах и ожидали быстрой победы. Войска Филиппа были огромны и состояли из армий многих феодалов — даже если в основном состояли из крестьян, их численность превышала тридцать пять тысяч человек и превосходила численностью англичан. Три человека против одного. Французских лордов и их рыцарей, однако, легко было отличить от множества крестьян и торговцев: первые были хорошо экипированы верхом, несли знамена и были облачены в тяжелые доспехи, обладали гордой осанкой дворян и суровой решимостью, характерной для опытных солдат.

Длинные мечи, булавы и щиты лязгали о бронированных лошадей; ряды пик покачивались среди стройных колонн пехотинцев; арбалетные повозки тяжело двигались по изрытой колеями местности. Тысячи седел скрипели; тысячи коней дули и топали. Команды передавались криками от одного звания к другому, а группы солдат пели песни. Поля и урожаи, которые они оставили позади. В сыром августовском воздухе звуки войны звучали как реквием по людям, которые каменными шагами шли навстречу своей судьбе. Хотя солдаты были дерзки — предполагая скорую и решительную победу и взятие в плен множества английских солдат — в них царило беспокойство, подобное беспокойству пугливых свиней накануне войны. бойня. Общее состояние души выдавало явный уровень нервозности, порожденный скорее бестелесным предчувствием, чем какой-либо конкретной оценкой — смутное, но крайне отвлекающее осознание, проникающее глубоко в кости, — чувство надвигающейся гибели.

Даже боевые кони уловили его суть; однако тот же самый сияющий черный ворон, восседающий высоко над полем боя на корявом дубе, раскусил его лучше всех. Всё это было невидимым присутствием самой Дьяволицы и, в её компании, ещё одного готового к действию ангела: Смерти.

В центре колонны солдат плечом к плечу шли два рыцаря в тяжелых доспехах с бронированными конями. Поверх нагрудников у них висели безрукавные куртки с одинаковыми вышитыми эмблемами. Те же знаки отличия украшали их седельные попоны и щиты. Рыцари ехали под знаменем лорда Амелета из Лаона. Они были братьями. Разделённые шестью годами, носящие герб и выдающуюся фамилию Блази. Жан-Жак и Жан-Рене были младшими из трех братьев Блази; старшим из них был Жан-Франсуа.

В отличие от Жан-Жака, человека необузданного, Жан-Рене жил со своей женой, Альсае Блази, и единственным сыном, Михаэлем Блази, в замке на уважаемом имении Блази, расположенном на северной окраине Реймса. Помимо имения, Жан-Франсуа проживал в большом папском замке, Шато Руж, в Авиньоне. Он делил двухэтажный замок с несколькими другими папскими высокопоставленными лицами, их роскошные апартаменты были объединены под одной крышей.

Жак откусил последний кусочек яблока и бросил его в шлем брата. Сердцевина ударилась о поднятый забрало шлема Рене и захлопнула его. Рене резко поднял его, обнажив недовольный взгляд, но при этом пристально глядя вперед. Жак рассмеялся и наклонился вперед на своем коне, чтобы лучше рассмотреть упрямое выражение лица брата .

«Ну же, Рене», — сказал молодой человек с улыбкой. «Смех поднимает дух перед битвой. Я же не король Эдуард, Ле Пети!» Жак достал свежее яблоко из мешочка, висевшего у него на боку.

Рене холодно ответил: «Мужчины не готовы к атаке. Они устали после марша».

«Я загоню англичан в море!» — провозгласил Жак, высоко подняв яблоко. «Я засуну яблоко в рот Эдуарду и швырну его обратно через море. А поскольку я твой добрый брат, Рене, я поймаю для тебя английского оруженосца», — добавил он со смехом, прежде чем откусить кусок от яблока.

«Они должны занять оборонительные позиции и быть готовыми к атаке», — заявил Рене .

«Они устанут, как маленькие девочки», — возразил его брат. «Они пережили дни сражений». При виде нашего количества они сложат оружие и сдадутся.

«Они не сдадутся. И Эдуард, и его Чёрный Принц с ними. Они будут защищать их до смерти — ты говоришь глупости».

«Они устали, — настаивал молодой человек. — Они должны сдаться. Дурак — это ты, Рене. Я напомню этому дураку, кто он такой, после битвы, если она состоится».

«У вас есть приказ, Жак. Вы должны его выполнить, как и я. Маршал Его Величества приказал приостановить ношение всех знамен до тех пор, пока солдаты не восстановят силы после дневного марша».

«Оглянись вокруг, Рене. Посмотри им в глаза — на их дух! Они не успокоятся. Кровь их кипит. Они нападут; даже вопреки приказам», — ответил Жак.

«Многие из этих людей никогда не участвовали в сражениях, как мы», — напомнил ему Рене. «И мы связаны приказами — лорда Амеле, чье знамя развевается в честь Его Величества», — выплюнул Рене.

«Нам приказано отдохнуть. Мы не должны выступать против Эдуарда, пока нам не будет дан приказ двигаться».

Двое мужчин оглядели медленно движущуюся армию, и между ними наступила короткая тишина.

Колонна, казалось, тянулась сквозь неровную местность бесконечно перед ними и за ними. Жак повернулся к Рене, его лицо исказилось от отвращения, и он сказал брату: «Если эти простодушные люди, большинство из которых без щитов и доспехов, отдадут свои жизни англичанам, то и я поеду и буду защищать их. Верный Франции, так поступит любой рыцарь. Мы служим Франции — эти люди — Франция, и я буду защищать их!»

«Позвольте напомнить вам, дорогой брат, что вы дали клятву под страхом смерти в случае её нарушения. И вы можете навсегда лишиться Дом Блази всякой чести. Этот день окажет глубокое влияние на каждого Блази, как в хорошем, так и в плохом смысле».

Жак смотрел прямо перед собой, словно не слышал Рене.

«Тогда будь ты проклят, Жак», — прорычал Рене, резко опуская защитную маску на лицо.

Наконец Жак спросил: «А вы тоже поедете с Францией?»

Рене поднял забрало и ответил: «Ты совсем потерял равновесие, Жак».

Жак поморщился и повторил вопрос: «А вы?»

«Ты не рыцарь — скорее, облаченный в доспехи дурак».

«Тогда вы?»

«Я не буду признаваться Жан-Франсуа, что меня не было рядом с его глупым братом в бою».

«Да, — сказал Жак. — Всё как он и говорил: крест либо с нами обоими, либо ни с кем».

«В самом деле, да», — вздохнул Рене. Он повернулся к Жаку и отчитал его. «Вы не оставляете мне выбора. Вам это нравится, не так ли?» Хмурое выражение лица Рене исчезло, и на его месте появилась сухая улыбка. «Я должен ехать с вами, Ле Буффон де Франс. Пусть так и будет».

Жак усмехнулся и наклонился к брату. «Оглянись вокруг. Я знаю человеческие сердца, Рене, как и ты. Эти люди не успокоятся, пока не бросят Ле Пети в море. Победа уже за нами. Довольно скоро мы получим голову Эдуарда — и его трон. Покажи нам...»

Крест брата-кардинала , дабы мы могли идти к победе.

Отбросив яблоко в сторону и сняв шлем, Рене вытащил из-под нагрудника изящную золотую цепочку. Она поддерживала значительный вес распятия, украшенного драгоценными камнями , которое принадлежало его старшему брату, Жан-Франсуа Блази, и было впоследствии освящено самим покойным Папой Бенедиктом XII. Франсуа настоял на том, чтобы Рене и Жак носили его с собой в каждом сражении. Как и предписывал момент, настала очередь Рене носить крест Блази. Это было частью дела, ради которого Рене чувствовал себя обязанным присоединиться к своему брату. Если бы Жак бросился в атаку: он не оставил бы своего брата один на один со смертью, без креста . Он также не оставил бы французскую армию сражаться в одиночку, как бы глупо она ни была сплочена. И соотечественникам, и брату он был одинаково предан, хотя и по-разному; обоих он защищал — обоих он чтит. Рене наклонился через борт. Он сел на коня и передал крест Жаку. Жак поцеловал холодный металл, слегка склонив голову в знак почтения. Над окрестностями раздался раскат грома. Жак рассмеялся и воспринял это как добрый знак. Над ними, в ветвях низкорослого дуба, Светящийся ворон зашевелился, хлопая перьями. Он взмыл со своего насеста в северо-западную сторону горизонта, навстречу армиям англичан.

«Во имя Всевышнего Господа и святого Дионисия», — пробормотал Жак с каменной строгостью. Рене выпрямился на коне и повторил то же благоговение. Он вернул распятие на место на груди и надел шлем. Конные солдаты мчались вдоль колонны войск, крича: «Готовьтесь! Готовьтесь!» «Оружие!» — колонна бросилась вперёд.

Армия Филиппа настигла Эдуарда, у которого теперь не оставалось иного выбора, кроме как развернуться и вступить в бой. Английский король расположил своих конных рыцарей и пикинёров на широком холме недалеко от деревни Креси, лучники выстроились позади и впереди них, а йомены ждали рядом с другими конями в тылу. Эдуард командовал войсками из занятой ветряной мельницы на вершине холма.

На коротком отрезке пути, стремительно мчась на северо-восток, взволнованный и парящий в воздухе ворон преодолел обширную площадь грубо вспаханной земли и нырнул в укромный кустарник, скрытый редким хребтом. Светящийся силуэт птицы тяжело освещал заросли чертополоха и тиса, а её резкий крик испугал молодого английского лучника, стоявшего на затенённом месте и справлявшего нужду. « Неудобный знак в неудобный день», — прошептал лучник, глядя на ворона, — и казалось , птица видела его, видела насквозь, и её неестественный взгляд пронзил его душу. Он упал на колени, схватившись за голову, словно пытаясь удержать её от взрыва. Он тяжело дышал и стонал, рухнув на землю перед смертью.

Она закричала и бешено затрепетала, прежде чем тоже упала насмерть, судорожно рухнув в заросли.

Глаза мертвого лучника резко распахнулись. Он поднялся с земли и огляделся. Впалый. Белки его глаз поблекли — блестящие и черные, как перья ворона. Он достал длинный лук, прислоненный к стволу дерева, и, с полным колчаном стрел за спиной, покинул рощу, наполнившись еще большей энергией, чем вошла в нее. Даже опорожнив мочевой пузырь, он чувствовал, как его сердце переполняется — переполняется черным злом, кипевшим в его небьющейся груди. Он прорвался сквозь заросли к строю из почти тысячи лучников, фланкировавших пятьсот пехотинцев. Строй располагался на вершине холма, откуда открывался вид на неглубокую долину на А на западе тысячи солдат ждали, выстроившись в два идеально ровных квадрата. Лучник занял свое место в рядах.

Как и предсказывал Жак Блази, французская армия безрассудно бросилась в бой, прежде чем её командиры смогли её остановить. В долине беспорядочная масса кричащих воинов, копейщиков, гонуэзских арбалетчиков и французских конных рыцарей хлынула к хребту, занятому англичанами. В этой схватке не было никакого порядка, люди в своей кровожадности сбивали друг друга с ног, а некоторые даже протыкали насквозь сами себя погубили мечами, своими же неумелыми руками.

На английской стороне холма опустошенный солдат проходил между длинными рядами лучников, которые держали длинные луки высоко и натянутыми.

«Стой! Подождите!» — прорычал властный голос.

Выжившие лучники, увидев черноту его глаз, бросились назад, их ряды расступились, словно расступающееся Красное море.

Пораженные, мужчины шептались друг другу: «Уходите! В нем дьявол!» Никто не двинулся с места, чтобы остановить его, когда он развернулся среди рядов и спустился с хребта, оставив англичан и их позиции позади.

«Лучник! Вернись на свой пост!» — раздался громкий приказ из-за строя. Голос принадлежал лорду Клиффорду, уверенному в своей власти, но лучник продолжал свой медленный, уверенный спуск с холма. За английским строем — серое небо. Прощай, и послеполуденное солнце пронзило облака. Солнце скрылось за спинами англичан, и приближающиеся французские войска оказались ослеплены.

Со своего места среди своих лучников графы Уорик и Оксфорд подошли к нему.

«Лорд Клиффорд, верните своего лучника! Лорды, держите своих людей на цели!»

Дьявольский лучник вытащил стрелу из колчана и, не сбавляя шага, натянул её глубоко в свой длинный лук. Его чёрные глаза были прикованы к двум ярким точкам на дальнем конце долины.

«Лучник! Вернись, или тебя сразят сзади!» — потребовал лорд Клиффорд. Лучник продолжал спускаться по гребню, его темная фигура зловеще выделялась на фоне царящего хаоса. Наступающие французы. Клиффорд двинул вперед своего коня, за ним следовал его знаменосец. Он остановился рядом с одним из лучников, прорывав приказ бросить одинокого воина на месте .

«Сзади, милорд?» — с тревогой спросил лучник.

«Приказываю тебе выйти вперед и свалить этого человека! Сделай это сейчас же, лучник!» — прошипел Клиффорд, яростно жестикулируя в сторону удаляющейся фигуры.

«В самом деле, милорд». Лучник поклонился и занял удобную позицию. Он натянул стрелу, проверил ветер и выпустил стрелу-шпильку вниз по гребню. Древко полетело прямо и быстро, пронзив безжизненную спину и выскочив из центра груди . Пронзенный лучник на мгновение замер, затем повернулся лицом к гребню. Английские солдаты увидели лишь размытое пятно, когда мертвец повернулся к ним лицом — возможно , словно приветствуя их. Никто не видел, как стрела вылетела из его лука и поднялась по гребню — никто. Они увидели, как стрела пронзила глаз молодого лучника лорда Клиффорда. Только когда лучник рухнул на землю, они увидели стрелу с черным пером, вылетевшую из его головы. Дьявольский лучник повернулся и продолжил свой путь по полю, прямо в ревуший взор французской атаки.

«Оставьте его!» — выплюнул Клиффорд, глядя на ходячего мертвеца. «Лучники, найдите свои цели! Будьте наготове по моей команде!»

Однако все взгляды были прикованы к тому, что существо продолжало невозмутимо двигаться навстречу наступающему французскому врагу, не обращая внимания на застрявшую в нем стрелу, пронзившую его туловище.

Выстрел примитивной английской пушки эхом разнесся по полю, когда по нему прокатился первый град стрел. На наступающих французов обрушился шквал стрел. Люди и кони падали под натиском стрел, повергая французов в ужас. Древки стрел были снабжены новыми для битвы наконечниками-шипками. Шипованные наконечники представляли собой длинные и тяжелые железные наконечники, способные прорезать доспехи. Английские длинные луки были вырезаны из плотной тисовой древесины и оснащены прочными пеньковыми тетивами, требующими усилия натяжения в сто фунтов и более, и метали эти разрушительные новые стрелы с невероятной силой. Металлические доспехи французских рыцарей мало чем их защищали.

Увидев своих людей в беспорядке и спешно падающих, Филипп приказал им повернуть назад и перегруппироваться. Они проигнорировали приказ, промчавшись мимо него и промчавшись по долине, как безумцы. Генуэзские арбалетчики оказались под градом стрел из длинных луков.

Вдали от англичан они бросили луки и бежали. Увидев это, брат Филиппа, граф д'Аленсон, приказал их убить. Так случилось, что в тот день от рук французских товарищей в бою погибло больше генуэзцев, чем от рук вторгшихся англичан армия.

Бездушный лучник шел в одиночестве по бурлящему полю боя. Люди и кони повиновались ему. Внушавший инстинктивный ужас взгляд этих черных глаз не позволял никому приблизиться к лучнику, который двигался, seemingly не обращая внимания на пронзившую его стрелу. Он вытащил еще одну стрелу из колчана за спиной, натянул тетиву и одним уверенным движением выпустил ее. Почти в трехстах ярдах от него стрела с глухим стуком вонзилась в землю между передними конечностями коня Жан-Жака Блази. Два генуэзских арбалетных болта теперь попали в ребра мертвого лучника, а третий пронзил его бедро. И все же его черный взгляд не отрывался от цели, и стрелы не остановили его и даже не замедлили его руку. Еще одна стрела вылетела из его лука, прежде чем первая замерла. Эта не промахнулась. Она врезалась в воротник доспехов Жака и пронзила его левое легкое. Когда он упал с коня, с неба сверкнула еще одна стрела; рядом с ним Рене услышал удручающий хлопок, когда его собственный конь рухнул под ним. Из-под глаз животного торчала стрела с черным оперением. Но мертвый лучник не был бессмертен. Как только он выпустил очередную стрелу, стрела из арбалета пронзила ему горло, и он наконец упал на землю. Рене вскочил на ноги и побежал к брату. Мимо них с криками пронеслись солдаты, неудержимо бросаясь в атаку.

Рене приподнял лицевою защиту Жака, поднял его голову с земли и обхватил ее локтем. Глаза Рене наполнились слезами; он знал, что Жак не покинет эту долину живой.

«Не надо, Рене», — сказал Жак, на его лице читались натянутая улыбка и боль. «Я пал с честью». Он закашлялся, пытаясь сдержать пузыри крови во рту. «Я хочу ... обнять наш крест — в последний раз».

Рене сорвал с себя шлем, поднял подбородок и дернул за шейную цепочку, пока распятие не соскользнуло с нагрудника. Он неуклюже возился с ним, поднося крест к умирающему. Губы брата. Жак поцеловал их и улыбнулся.

«Рене, когда убьешь Эдуарда, попроси великого Жана-Франсуа де Франса помолиться за меня», — прошептал он. — Поклянись.

«Честью к моему чести, Жак. И я буду молиться за тебя, пока во мне не останется ни капли дыхания».

Рене ответил смехом и потоком слез. Это была давняя шутка братьев — глупое прозвище, которым они дразнили свою «чрезмерную серьезность». Старший брат: Франсуа де Франс. Когда Рене поправил крест под нагрудником, его брат вздохнул и умер у него на руках.

На другом конце долины Дьявольский Лучник пошевелился. Его работа еще не была закончена. Толстое древко арбалета, застрявшее у него в бедре, с хрящевым треском отломилось, когда он, перекатившись, поднялся на колени. Град стрел осыпал его легкие доспехи, однако кровь не лилась; он натянул стрелу и выпустил ее. Рене поднял лицо к небу, воя от горя и вызова, даже когда собственная смерть летела к нему на черных крыльях. Адская стрела устремилась к земле, словно проклятая душа. Она пронзила Рене небо, пронзив его кричащий рот, пронзив мозг и расколов череп. Он больше не кричал. Его тело упало на тело мертвого брата, на его изуродованном и окровавленном лице застыло выражение ужаса. Его широко раскрытые глаза не увидели генуэзской стрелы, которая пронзила череп проклятого лучника. Лучник упал и больше не двигался.

Английские войска насчитывали приблизительно двенадцать тысяч человек, более половины из которых были лучниками. Воины стояли по центру, образуя два расходящихся фланга лучников, формируя точную V-образную линию длиной около восемнадцатисот ярдов. Французские войска насчитывали тридцать шесть тысяч человек. Волна за волной — всего пятнадцать — атакующих рыцарей мчались в английскую воронку стрел, чтобы затем обрушиться на своих убитых и умирающих перед ними. Между бегущими генуэзскими арбалетчиками, под слепящим солнцем и безумными криками необученных крестьян на поле боя, французские войска. Полное замешательство. Поле боя было изрешечено английскими стрелами, которые выделялись среди убитых людей и животных, словно жесткие стебли ячменя. За короткий промежуток времени, всего за десять часов, с высокого хребта обрушилось почти полмиллиона английских стрел, и более шести тысяч французов и генуэзцев пали за смертью. Несомненно, это был дьявольский танец — и зловещий вальс.

Наступил час ведьм, когда раненый Филипп отступил. У него не оставалось иного выбора, кроме как бросить раненых там, где они лежали. Два короля, союзники Филиппа, пали в ужасной бойне; одним из них был слепой король Иоанн Богемский. У Филиппа не было другого выхода, кроме как отступить. Однако Эдуард не брал пленных. В полночь его сын, Чёрный принц Уэльский, двинулся под покровом темноты и, используя длинные ножи, его люди перерезали горло раненым. В общей сложности в битве погибло шесть тысяч шестьсот французов и всего несколько сотен англичан. Это была битва, в которой Люцифаэль была слишком вовлечена с самого начала. Вся заслуга принадлежит ей; оба короля, Эдуард и Филипп, были всего лишь пешками в её гораздо более грандиозной игре. Она была правящей королевой, и, невольно, два глупых короля сражались перед ней как шуты.

После битвы Филипп сломался. С помощью двух кардиналов из Авиньона, выступивших в роли посредников, вскоре было заключено перемирие между Францией и Англией. Эдуард сохранил оккупацию Кале, и Филипп пришёл в отчаяние. Англичане лишили Францию рыцарства.

Правила боя. Рукопашный бой, противостояние лицом к лицу — битва, в которой один Навыки, сила и храбрость человека в противостоянии с другими были вытеснены тем, что сводилось к пронзанию врага копьем сзади. Английский длинный лук был плевком в лицо рыцарскому сословию. Хотя французские рыцари презирали его, называя откровенной трусостью, дальний бой оказался весьма эффективным для небольших армий, таких как армия Эдуарда. А с вмешательством Люцифаэля искусство войны изменилось, и закат опустился на дни былой славы рыцарства.

В отчаянии Филипп подумывал обратиться за помощью к Святому Престолу и его многочисленным образованным священникам. Однако ему требовалось нечто большее, чем просто молитвы. Ему были нужны финансы и надежный способ противостоять новому английскому оружию — скорострельному длинному луку и его бронебойным стрелам. Ему нужны были новые стратегии противодействия нерыцарской тактике англичан. Он искал решающее контр-оружие и окончательную контр-стратегию, которые могли бы вытеснить Эдуарда из Кале и вернуть его обратно через Ла-Манш. Тем не менее, Люцифаил восставала против всех престолов, с горьким рвением, как обиженная, но внешне всегда властная королева королей. Трон Святого Престола и папский дворец в Авиньоне не были исключением. Папа, Коллегия кардиналов и апокрифические кардиналы — все они были равноправной добычей в ее игре. И внутри каждого из них она плела свою паутину.

Красный замок ~ Город Авиньон ~ Апрель 1347 года

Авиньонский замок Шато-Руж служил охраняемой резиденцией для нескольких кардиналов Коллегии. Охранник, стоявший у заднего входа в замок, переступил с ноги на ногу — колющая боль ощущалась в левой пятке. Он обыскал ботинок, но не нашел ни выступающей гвозди, ни занозы, ни шипа внутри, однако снова почувствовал укол, словно крошечный кинжал вонзается в пятку. Это не давало ему покоя. Он оглядел безлюдную территорию. В поздний час никто не издал ни звука. Бросив украдкой взгляд на арочный вход своего поста, охранник прокрался в кусты, обрамлявшие толстые каменные стены замка. Он с надеждой похлопал по карманам и усмехнулся, обнаружив сложенный листок бумаги в кармане жилета. Прислонившись к стене, он расшнуровал ботинок и сунул туда бумагу. Он как раз завязывал шнурки, когда на него упала длинная тень фигуры в капюшоне. В панике он поспешно выпрямился и чуть не упал.

«Страж. Вас нет на посту», — тихо сказал священник. «Почему?»

Стражник двинулся к арке с расстроенным видом, а теневая фигура тоже попыталась его преградить.

«Я слышал шум, монах», — пробормотал он. «Это были всего лишь петухи, которые сидели на насесте» .
КУСТЫ.

«Ах, петухи, которые сидят на насесте. Понятно». При более хорошем освещении солдат увидел священника высоким и довольно...

Крепкого телосложения, с густыми черными волосами. Казалось, он разглядывал брусчатку, однако, когда его Темные глаза промелькнули на лице охранника, словно кинжалы. «Ты гоняешься за кудахтающими петухами в незашнурованном сапоге?»

«Я этого не заметил, монах».

«А, понятно. Вы не заметили развязанные шнурки». Тихий голос звучал жутковато и противоречиво. Вспышки в глазах заставили охранника стиснуть зубы. «Покажите приказы, охранник».

«Прямо сейчас же».

Застигнутый врасплох — он всё гадал, когда же этот нервирующий священник оставит его наедине с долгом, — солдат неохотно наклонился и снял ботинок. Он вынул свою самодельную повязку и предложил её священнику.

«В незашнурованном сапоге? Ах». Священник развернул бумагу и встал под настенный фонарь, чтобы прочитать её. «Почему ваши приказы лежат в сапоге, стражник?»

Охранник во всем признался. Священник усмехнулся и, вернув сложенный ордер, сказал: «Тогда...» Похоже, ваши приказы лучше всего исполнять, когда их попирают. Может, лучше сохранить признание в тайне?

«Если позволите, братец. Чем я могу помочь, братец... э-э...» — охранник с трудом подбирал имя священника .

«Севаль — архиепископ Лу Севаль — здесь по личной встрече с кардиналом Жаном- Франсуа Блази».

«Я позову старшего офицера. Он сможет организовать эскорт». Стражник уже собирался отвернуться, но священник с силой схватил его за плечо, причинив сильную боль.

«Судя по вашим указаниям, вы новичок на этом посту», — прошептал здоровенный священник.

«Полагаю, вы не хотите запятнать свою репутацию? Мне не нужно ждать сопровождения; я бывал здесь много раз. Я сам найду дорогу».

Солдат, который действительно был неопытным новобранцем и к тому же не слишком торопился, почувствовал какое-то затуманенное сознание. Его мысли захлестнули. Было крайне важно, чтобы он подчинился приказам; и все же, позволить незнакомцу... В замок без сопровождения? Немыслимое пренебрежение долгом, однако было крайне важно, чтобы он подчинился тихому голосу и приказу, содержащемуся в сверкающих глазах.

«Посетителей сопровождают. Я должен...»

— Возможно ли, — перебил священник, — что я не заметил вас вдали от поста? Возможно ли также, что вы не заметили моего входа? Послушайте меня, стражник; примите меня как еще одного тихого петуха, сидящего на насесте. Уже поздно — я устал. Понимаете ли вы, что я имею в виду? Отвернувшись, охранник ответил: «Полагаю , вы правы. Я вас не знаю».

Я вас тоже не видел.

«Ложь, сказанная из лучших побуждений, — это не злодеяние. Молодец. Я позабочусь о том, чтобы услуга была оказана втроене », — сказал священник, похлопав стражника по плечу с усмешкой, которую солдат не заметил.

Он исчез под арочным входом и плыл по тихим коридорам.

замок. Священник подошел к углу, и когда он обошел его, его лицо и одежда были... Он резко изменился, преобразился в совершенно иную форму. Вместо одежды он... Он был одет в боевую форму французского рыцаря. На его груди сверкали золото и драгоценные камни. Крест Блази. Он свернул за очередной угол и спокойно прошел сквозь каменную стену, его облаченное в доспехи лицо бесшумно слилось с массивными камнями.

В спальне кардинала Жан-Франсуа Блази настенный гобелен на мгновение затрепетал, когда фигура рыцаря промелькнула сквозь массивные камни стены. Кардинал ворочался и стонал в своей позолоченной постели, его глаза закатывались, когда он следил за чертами лица. Это был кошмарный пейзаж. Жан-Франсуа катался по огромной кровати, застряв в сне, в котором стремительно падал. Внезапно он ахнул и резко выпрямился, широко раскрыв глаза. На лбу блеснул пот. Кошмар, будучи обнаруженным, покинул комнату. Плечи кардинала облегченно опустились, и он откинулся на кровать, медленно закрывая глаза, а затем резко открывая их снова. Кошмар еще не закончился. Он сел, сердце его затрепетало. Странно, что-то у него в груди. Там, в углу комнаты, стоял темный силуэт рыцаря в доспехах.

«Кто там?» — прошипел Франсуа, в горле у него подступил ужас. Тень шагнула внутрь. Лунный свет проникает сквозь открытое окно.

«Жак», — прохрипел Франсуа. — «Это ты, Жак?» Он в изумлении закрыл лицо руками .

«Это я, Жан-Франсуа. Как у вас дела?» Казалось, рыцарь озорно улыбнулся.

«Я... действительно молилась! Я молилась за тебя. Как дела? А как Рене?»

«Рене проповедует, как и всегда. Он решил, что лучше мне не навещать вас — он сам так решил». может вас расстроить.

«О нет, — солгал Франсуа. — Вовсе нет! Ты должен сказать ему, чтобы он пришел. Скажи ему, Жак».

«Я пришёл предупредить тебя об ужасной вещи, Франсуа», — поспешно прошептал рыцарь.

«Франция падет под натиском Эдуарда Английского всего за двадцать лет. Эдуард заручится поддержкой многих французских лордов. Он придет с запада и севера и завоюет сердце Бургундии. Он разделит Францию».

Кардинал, совершенно сбитый с толку, ответил: «Даже если большинство французских лордов встанут на сторону Эдуарда, как он сможет одержать победу? У него нет боеспособной армии!»

«Он так и сделает», — резко ответил рыцарь. «Он заключил договор с дьяволом. Это сам дьявол рассказывает Эдуарду секреты войны! Эдуард захватит нашу родину, Жан-Франсуа, если ты не остановишь его до начала похода — если ты не остановишь его сейчас».

Мысли Франсуа закружились. «Это безумие! Я не могу остановить такие вещи. Если я заговорю с Ним...»

«Господи, он сведет меня с ума», — справедливо заметил он. «Неужели вы с Рене не можете остановить эти события?»

«Только ты можешь остановить эти события, Франсуа».

«Я не могу помешать воле короля, Жак. И я не могу подчиниться дьяволу. Я всего лишь слуга ...»

«Послушай меня, Франсуа». Темная фигура с негодованием подошла ближе.

«Апокрифический собор ; ты о нем знаешь?»

Кардинал слегка напрягся. С неохотой он признался: «Да, я знаю, но лишь крупницы истины. И что из этого?»

«Они скрывают секреты, оружие, предназначенное для уничтожения английского короля. Ты должен взять это оружие под свой контроль, Франсуа. Ты должен применить его против него. Однако, прежде всего, ты необходимо изучить правильное его использование. Такие знания хранятся в архивах апокрифов, в том, что некоторые называют «Переводами Нарамсина». На этих страницах вы узнаете о конструкции и принципе действия этого оружия».

«И как же мне заполучить эти вещи?» — неубежденно спросил Франсуа. «Архив хорошо охраняется. И для доступа к нему используют слова-обряды. Я не знаю этих слов, Жак! Архивы предназначены только для Совета».

«Дьявол нашептал эту тайну на ухо Эдуарду, и Эдуард будет искать Нарамсинские свитки. С ними его власть станет больше, чем даже власть Святого Престола». Он захватит всю Францию, если вы не послушаете моих слов. Франсуа, вы должны совершить этот поступок. Если не ради Франции и Церкви, то ради ваших братьев: чтобы мы пали с честью и волей Божьей. Даже ангелы пали, чтобы исполнилась воля Божья. Если другие должны пасть, чтобы больше людей могли жить, это Его воля.

Франсуа вспомнил свой кошмар. «Другие? Кто должен пасть?»

«Даже Христос пал, чтобы другие могли жить. Я должен уйти, Франсуа». Рыцарь отвернулся. «Ещё минутку!» — воскликнул Франсуа.

Рыцарь обернулся и ухмыльнулся. «Вы — Франсуа де Франс. Ради Бога , спасите Францию. Спасите нас всех». Он повернулся и исчез сквозь стену.

«Подожди! Нет! Жак! Жак!» Франсуа вскочил с постели и бросился в погоню за ускользящей фигурой. Он пробежал по своим покоям и распахнул дверь, спотыкаясь, вывалившись в коридор. «Жак!» Но длинные коридоры были пусты.

Лицо его брата уже пересекло коридор, прошло сквозь дальнюю стену и вошло в комнату для свиданий священника . Он упал на колени. «Жак! Вернись!» — рыдал он. Двери со скрипом открылись, и сонно, с тяжелым взглядом, гости выглянули наружу.

Спящий священник пошевелился от крика за дверью своих покоев, но глаза его не открыли.

Прикроватная масляная лампа освещала книгу Священного Писания, лежащую лицевой стороной вниз на его груди, руки сплетены на ней. Рыцарь стоял у изножья кровати, глядя на спящего мужчину. Медленно пластины рыцарских доспехов начали сливаться и меняться, сливаясь с блестящей кожей пышнотелой женщины, ее плоть была бледна, как смерть. Ее глаза, ногти и растрепанные, до пояса волосы были черными, как черный камень. Она была воплощением чистой и бесстыдной Евы; она была источником, из которого все женщины пали — и из которого все мужчины также потерпели неудачу. Она была Люцифаилом. Она остановилась над священником, улыбаясь. Голоса многих женщин вырвались из ее бледных уст. « Мужчине невыгодно быть одному — особенно, не ниже меня. Но скоро это случится». Священник поморщился, застонал во сне и перевернулся на бок. Открытые страницы Священного Писания упали на пол, и ее босая пятка растоптала их, когда она прошла сквозь внешнюю стену замка, оставив лишь призрачный смех, тревоживший святого человека во сне.

И смех Люцифаэля был вполне заслуженным — прошло меньше месяца, прежде чем злобное семя пустило корни.

Замок Маллоу ~ Город Авиньон ~ Май 1347 года

В отличие от Красного Шато, принадлежавшего Коллегии кардиналов, Авиньонский замок Маллоу принадлежал Апокрифическому собору и был резиденцией кардиналов Василиста и Лина. Поскольку Лин находился в Англии с папской миссией, старший кардинал был один в замке Маллоу. В своих апартаментах Василист крепко спал. На его письменном столе... Почти погасшая масляная лампа с трудом раздувала пламя, отбрасывая мерцающие тени на стоявшие рядом перо, чернильницу и написанное письмо, на котором были написаны слова:

Мой дорогой кардинал Лин ~

Простите за мою нерешительность, но меня охватил сильнейший страх.

Моя душа. Теперь я убежден, что смерть кардинала Ксавьера не была случайностью, и против нас действуют темные силы. Они стремятся получить доступ к тому, что мы оберегаем. Умоляю вас, немедленно вернитесь в Авиньон.

И вместе мы будем настаивать на аудиенции у Его Святейшества Папы

Климента. Его необходимо предупредить об опасностях. Поторопись, мой друг. Я начинаю опасаться за свою безопасность...

Ваш, на службе Его Святейшеству ~ Кардинал Базилист

Легкий ветерок погасил пламя, а заднее стекло приоткрылось, открывая вид на меняющийся силуэт. Гвардеец-отступник проскользнул в спальню Базилиста, оседлал его и, сильно прикрыв рот кардиналу, вытащил кинжал и прошептал вопросы, которые ему было велено задать. Базилист сопротивлялся, но был слишком слаб для сильного солдата. Зловещий шепот незваного гостя предостерегал его от криков, холодная сталь у его шеи ясно давала понять угрозу. Солдат убрал руку и стал ждать ответа.

Вызывающе Базилист смотрел на силуэт лица, ничего не говоря. Нож медленно двигался к левому глазу кардинала, оставляя неглубокую струйку крови. Базилист стиснул зубы. Он стиснул зубы и не издал ни звука. Рука снова сжала ему рот, прижимая голову к подушке. Уперевшись весом в грудь Базилиста, охранник вонзил кинжал в нежную плоть под глазом. Базилист закричал сквозь нос, когда нож задел стенки глазницы. Охранник выронил глаз на пол.

Солдат сообщил старику, что тот уже почти утратил способность сопротивляться, и что у него остался еще один глаз, которым он может торговаться.

Базилист тут же начал говорить, рассказывая все, что знал. Когда он закончил, охранник потребовал, чтобы он повторил кодовые слова, необходимые для прохождения проверки, чтобы убедиться в их правильности. Рыдая, он поклялся, что сказал правду, — и всё же нож вонзился в правый глаз кардинала. Базилист снова закричал, прижимаясь к холодной руке. И снова его попросили повторить. Слова. Он задышался и заикался — слова были те же самые. Убежденный, что получил необходимую информацию, охранник прижался к груди Базилиста, выбивая из него весь воздух. И после того, как кардинал замолчал, убийца перелез через подоконник и исчез в тихом вечере.

Спустя некоторое время он встретился со своим покровителем в тайном месте, устроенном после ужасного события. Кожаный кошелек перешел из рук в руки, и наемный убийца выехал из западных ворот Авиньона и пересек мост через Рону. Однако, не проехав и мили, он был схвачен осведомленным и поджидавшим его вором с широким мечом, который отрубил ему голову и забрал кошелек. Улики гнусного убийства исчезли в французской сельской местности. А его виновник, кардинал Жан-Франсуа Блази, теперь владел ключом к тайнам Апокрифического собора и, следовательно, к двум тщательно охраняемым монастырям: Гардьен и Канчелло.

[Конец главы 2]

Это литературное произведение было создано и исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~